

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

3) G. Jacob, Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert, Berlin, 1897, BS.96-102.

П.А.Грязневич

АРАВИЯ И АРАБЫ (К ИСТОРИИ ТЕРМИНА АЛ-‘АРАБ)

И расходятся люди во мнениях о том,
почему арабов назвали арабами.

Абу Мансур ал-Азхари (ум. в
980-981 г.)

Возникновение и семантическая эволюция термина ал-‘араб, ставшего самоназванием арабских народов, — комплексная проблема. Изучение ее является компетенцией не только лингвистов-семитологов, но и историков и этнологов. Значение термина должно определяться для каждого исторического периода особо и с учетом этнической и социальной характеристики обозначаемой им общности.

Наиболее ранними письменно засвидетельствованными исходными формами термина ал-‘араб считают слова (māt) ар-ба-а-а, (māt) ариби¹⁾ и их фонетические варианты, содержащиеся в анналах ассирийских и нововавилонских царей (УШ-УІ вв. до н.э.) и происходящие от семитского корня ‘рб "быть сухим, пустынным".²⁾

Как прилагательное в значении "пустынный", "сухой", "безводный" и как имя нарицательное для обозначения бесплодной или неводеланной местности (степи, пустыни)³⁾ эти слова засвидетельствованы в текстах на аккадском, арамейском и еврейском языках. Ими названы каменистые степи, песчаные и полупесчаные пустыни Месопотамии, Сирии, Палестины, а также Сев. Аравии между Евфратом и Нилом.

Те же слова ариби -‘араб прилагались и к обитателям этих местностей. Контексты анналов ассирийских царей и Библии ясно показывают, что речь идет о населявших эти местности племенах кочевников, передвигавшихся на ослах и верблюдах, живших в шатрах и разводивших овец, коз и верблюдов.

Тексты ассиро-вавилонских анналов и библейские книги, повествуя о событиях, связанных с землей ариби -‘араб и их обитателями, приводят названия многих родов, племен и племенных союзов. Однако среди этих племенных названий этнонимы ариби, ‘араб и их фонетические варианты не засвидетельствованы. Слова ‘араб нет ни в знаменитой "таблице народов" в Библии (Бытие, X), ни в пе-

речне потомков Измаила (Бытие, XXV, 13-15), которые "жили от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии" (там же, ст.18), и которых обычно называют "арабами", ни в каком-либо другом библейском генеалогическом предании.

Семантика слов ариби, 'араб и контексты их употребления в имеющихся письменных памятниках древности, в том числе их географические характеристики, не дают повода считать их самоназванием какого-то одного племени или общим самоназванием кочевых племен пустынь и степей Аравии и Передней Азии. Эти слова-термины не обнаруживают какого-либо конкретного этнического или лингвистического значения, появляясь в названных выше текстах как видовое название обитателей степных или пустынных местностей, непригодных для земледелия. Словами ариби, 'араб называют в этих памятниках разные группы кочевых племен, в том числе и такие, которые находились друг от друга иногда на расстоянии многих сотен километров и не имели между собой ни взаимно признаваемых кровно-родственных связей, ни союзных отношений.

Однако для их соседей - оседлого земледельческого населения, в частности, ассирийцев и евреев - они представляли собой очевидную этносоциальную общность. Их объединяли место и условия обитания, а также сходный образ жизни и тип хозяйства, сходство во внешнем облике, принадлежность к иным религиозным культам и к другому типу социальной организации.

Таким образом, как этнонимы слова ариби и 'араб явно принадлежат к той же категории древних этнических названий, что и аморреи, ханааняне, арамеи, финикийцы, евреи и др., которые по происхождению были не племенными именами, а прозвищами или собирательными наименованиями, данными этим семитским племенам и народам их соседями.⁴⁾

Что касается самих племен, обозначенных как ариби, 'араб, то они именовали себя по своим родовым и племенным названиям (напр., набат, кедар, лихйан, самуд, дихрани, салам и т.п.). Этот способ самоопределения составлял, как известно, специфику этносоциального самосознания в родовом обществе.

Вместе с тем, следует отметить, что эти кочевые и полукочевые племена скотоводов, пастухов и охотников принадлежали к одному этнолингвистическому и социально-культурному массиву, выделявшемуся среди обитателей Аравии и Переднего Востока. Его можно назвать праарабской этноплеменной общностью, поскольку именно от него в конечном счете ведут свое происхождение племе-

на, составившие в середине УП в. н.э. ядро новой общности, принявшей в качестве самоназвания слово 'араб - "арабы".

Этот праарабский массив племен в процессе распада семитского языкового единства постепенно обособился от других родственных ему по языку и происхождению родоплеменных групп и народов. После миграции в Переднюю Азию арамейев племена этого массива стали основной и преобладающей частью населения Аравийского полуострова. Обитая в степях и пустынях, пригодных в основном только для кочевого скотоводства, племена этого массива в течение многих столетий сохраняли один и тот же образ жизни и тип хозяйства, равно как и близость языка, в целом не нарушенную и последующим развитием племенных диалектов.

Наконец, за период с УШ в. до н.э., когда появились термины арибы, 'араб, по УП в. н.э. на территории обитания праарабской этноплеменной общности не отмечено вторжений новых крупных этнических групп. Происходили войны, массовые угоны пленных, миграции племен, возникали и распадались племенные союзы, однако этнолингвистический состав населения на этой территории оставался в основном неизменным. Это способствовало сохранению за кочевниками степей и пустынь Аравии и Переднего Востока старого их названия 'араб.

Дальнейшие сдвиги в значении слов, образованных от корня 'гь, которыми обозначали пустынные местности и их обитателей, связаны с употреблением их в иноязычной среде и с постепенным усилением роли кочевых племен во внутривосточной жизни Аравии и Бл. Востока. Значительно повышенные боевые способности верблюжьей кавалерии после распространения оседла с лукой резко активизировало участие кочевников в военно-политических конфликтах Византии и Ирана, а также в междоусобных войнах ивноаравийских государств. Их отряды выступали в качестве самостоятельной боевой единицы в составе регулярного войска. Слово "арабы" в первые столетия н.э. часто употреблялось (напр., римлянами и византийцами) и как военный термин в значении "войны-кочевники" (на верблюдах, реже - на конях).

Особую роль в сохранении и распространении термина 'араб (и его вариантов) в качестве этнонима и топонима сыграли труды греческих и латинских географов и историков.⁵ Именно у греков возник топоним "Арабия" (упомянут у Эсхила в "Прометее", 525-456 г. до н.э.), принятый и современной европейской географической номенклатурой. Им античные авторы называли самые разные

"пустыни" - и в Месопотамии, и в Юж.Сирии и Палестине, и в восточном Египте. Геродот прилагал его расширительно (и несколько неопределенно) также и к территории собственно Аравийского полуострова.

Следующим шагом в развитии значения топонима Арабия было возникновение представления о "трех Аравиях", отразившего расширение знаний об Аравийском полуострове и его обитателях. По этой концепции вся зона степей и пустынь на восток и на юго-восток от Средиземноморского побережья делилась на Аравию Каменную (*Arabia Petraea*) - пустыни Сивайского полуострова и территории на юга и на юго-восток от границ Палестины; Аравию Пустынную (*Arabia Deserta*) - районы Месопотамии вдоль обеих берегов Евфрата, Сирийскую пустыню и прилегавшие к ней степи и пустыни Сев. Аравии; и, наконец, Счастливую Аравию (*Arabia Felix*), включившую почти весь Аравийский полуостров от границ обитания набатеев, лихийан и самуд (например, на картах Клавдия Птолемея, II в. н.э.).

Термин "Арабия" все дальше отходил от значения исходного для него слова "араб" как имени нарицательного для безводной, невозделываемой степи или пустыни. Он все больше становился общегеографическим наименованием территории Аравийского полуострова в целом.

Следует добавить, что в доисламских памятниках письменности, принадлежащих собственно населению Аравийского полуострова, в том числе и Юж.Аравии, "араб", как топоним, не засвидетельствован. В них вообще отсутствует слово, обозначающее всю территорию Аравии.

В античной литературе совершило дальнейшую эволюцию также и значение слова-этнонима от корня "гь", которым - в форме мн.ч. *Ἀράβιοι* - после Геродота стали именовать всех обитавших на территории, обозначенной на древних картах и в историко-географических трудах термином Арабия, включая и оседлое население Юж. Аравии.⁶⁾ Исходное слово "араб" в этом употреблении приобретает теперь также и определенно этническое содержание. Наряду с этим общим наименованием, приводится и множество локальных этнонимов, отражавших конкретную этноплеменную географию Аравии.

И в античной книжной традиции, и у следовавших ей авторов I-III вв. термин "араб" был не единственным общим обозначением обитателей Аравии.⁷⁾ Наряду с ним широкое распространение имело слово сарацины, в первые века н.э. ставшее собирательным наименованием кочевых племен, обитавших на той же территории, которую в

III-VI вв. до н.э. обозначали как ариби, 'араб.⁸⁾ В "Географии" Птолемея (II в. н.э.) в перечне обитателей "трех Аравий" слово арабы вообще не употребляется. В известной "таблице народов" Ипполита из Рима (ум. в 235 г.), наряду с арабами, названы сарацины, тайиты, мадианиты и др.⁹⁾ В сочинениях на сирийском яз. более обычным было название тайиты (ṭayūāyē), образованное от названия большого кочевого племени тайй. Так, в хронике Йому Стилита (нач. VI в.) Лахмиды и Гассаниды названы соответственно "тайиты персидские" и "тайиты ромейские" (Ṭayūāyē d^o Pirsāyē; Ṭayūāyē d^o Bēt Rhūmāyē).¹⁰⁾

В эпиграфических памятниках Юж. Аравии слово 'араб встречается со II в. н.э.¹¹⁾ В конце IV - нач. V в. это слово появляется уже в официальной титулатуре химйаритских царей как обозначение особой категории подданных в составе Химйаритского государства, не принадлежавших к его коренному населению, объединенному оседлыми общинами, не входивших в его социальную организацию и не участвовавших в его духовной жизни.¹²⁾

Слово 'араб засвидетельствовано в южноаравийских надписях в форме мн. числа а'раб^{ан} и имени обирательного 'араб^{ан}. Оно употреблялось применительно к бедуинам-кочевникам, населявшим в основном степные и пустынные районы на побережье Красного моря и на северных и восточных окраинах Сабейского и Химйаритского государств. Чаще всего оно обозначало отряды воинов-бедуинов на верблюдах (а некоторые и на конях), которых южноаравийские правители привлекали - за плату или по solemnным обязательствам - для участия в междоусобных войнах или в походах за пределы государства.

Слова а'раб^{ан} и 'араб^{ан} не обнаруживают конкретного этнолингвистического содержания. Они сопрягались с названиями разных кочевых племен или племенных союзов (напр., кинда, мурад, мазхид и др.). Им иногда противопоставляется слово хгр, которым в надписях обозначали оседлое население, живущих в городе и в его сельской округе, т.е. собственно носителей южноаравийской культуры: "и начертал эту надпись кайл Шарех'ил Йакбул, из (рода) Йаз'ан, когда он совершил поход на Наджран /7/. вместе с общиной хамдан, живущими в поселениях (хгр^{ан}) и кочующими ('араб^{ан}) и с войском азанитов и с отрядами всадников (а'раб) из кинда, мурад и мазхид и с кайлами..."¹³⁾

Засвидетельствована также и форма нисбы, имени относительного, от 'араб в мужском роде ед. числа - 'гбул (Ja 950, 1-2,

надпись из Хадрамаута - 'tybt/bn/'mrm/'rbyu¹⁴) - Атиабат, сын 'Амрам, араб), а также в женском роде ед. числа - 'rbyt (в списке иеродул, составленном между III-I вв. до н.э. о посвящении в храм в Маине, - 'rbyt/bn/kdr¹⁵) - "арабка из кедара", т.е. из племенного союза кедар в Сирии; 'rbyt выступает здесь вместо имени собственного посвящаемой) и двойственного числа 'rbytyn (Ja 961, 1-3 gdw/wāndm/'rbytyn/mbnytyhn¹⁴) - "Гадват и Шандум, две арабки, мубанитки", т.е. из племени мубан в Хадрамауте).

Слова эти, как можно видеть, служат здесь общим видовым названием, указывающим на принадлежность лица не к какому-то определенному родоплеменному коллективу (племени, союзу) или к определенной местности, а - к особой социальной категории людей, живущих и в Хадрамауте, и в Аравии, и в Сирии и не относящихся к собственно носителям южноаравийской культуры.

В то же время в огромном множестве граффити времени от V в. до н.э. и до II в. н.э., принадлежащих как раз тем обитателям Аравии, которых книжная традиция и эпиграфические памятники называют "арабами", само слово 'араб не встречается. Известны, кажется, лишь два граффити, также из Юж. Аравии (район Наджрана), в которых 'араб употреблено как часть личного имени, явно, как прозвище - Йазрав' или 'Араб¹⁶) (ср. Филипп Араб, римский император, уроженец Бостры), - происходящее, как и приведенные выше нисбы 'rbyu, 'rbyt, от слова 'араб, как имени нарицательного ("житель пустыни", "степняк-кочевник" и т.п.).

Как известно, этно-топонима 'араб нет и в сохранившихся памятниках словесности бедуинов доисламской Аравии, в частности, в древней поэзии.¹⁷) Нет его и в тексте Корана.

В Коране засвидетельствованы, однако, два слова, происходящие от корня 'гъ. Одно из них - 'арабй - относительное прилагательное "арабский",¹⁸) другое - ал-а'раб - имя собирательное, которым в Коране названы бедуины-кочевники, обитавшие в пустынях вокруг Медины и Мекки.¹⁹)

Слово 'арабй употреблено как определение к трем словам; лисān, кур'ān и хукм, т.е. "язык-речь", "возглашение-чтение" и "(богооткровенная) мудрость". Им определен язык откровения, возглашенного устами Мухаммада, для того, чтобы отличить его от языка, непонятного и чужого (а'джамй) сородичам и соплеменникам пророка.²⁰)

Необычность такого определения очевидна: как уже говорилось, нет текстов, из которых бы следовало, что какая-то часть

населения Аравии называла себя словом 'араб или определяла бы свой язык через посредство этого слова. Оно бытовало только в лексиконе соседних народов или отдельных этнокультурных групп в самой Аравии (в частности, иудеев, христиан, сабейцев, маинцев и т.п.).

Все десять сур Корана, в которых употреблено слово 'араб̄, произнесены в сравнительно короткий период — между 619 и 623 г.; позднее Мухаммад больше не пользовался им. Эти годы были решающим периодом в пророческой судьбе Мухаммада. Осыпавший насмешками и угрозами своих соплеменников, он был отвергнут также и теми, кого он считал своими естественными идейными союзниками в борьбе с язычеством: иудеями и христианами. Как раз в этот период и появляются стихи, в которых Мухаммад заговорил о языке откровения.

Сохранились предания, рассказывающие о том, что поводом к появлению откровений о языке были якобы слова иудеев: если бы проповеди Мухаммада были действительно божественным откровением, то он говорил бы на языке Бога, т.е. на языке Торы, а не на "языке арабов".²¹⁾ Отвечая им, Мухаммад возвестил от имени Бога, что это откровение ниспослало именно на "языке арабском, понятном" (лис̄ан 'араб̄ муб̄йн). Тем самым родной язык Мухаммада возводился в ранг "священного языка" и отвергалось одно из весьма веских возражений против истинности его пророческой миссии.

Указания комментаторов Корана на то, что стихи о языке откровения были ответом на возражения мекканских (и медийских) иудеев объясняют и употребление в них выражения "лис̄ан 'араб̄", воспроизводящего еврейское *lāšhōn 'ārābhī* — "язык арабский", засвидетельствованное в памятниках III в. н.э. как название языка язычников-обитателей Аравии.²²⁾

Появление в этом выражении слова 'араб̄ обычно толкуют как доказательство существования этнонима 'араб в языке соплеменников Мухаммада в качестве их общего самоназвания. Между тем содержание Корана ясно указывает на отсутствие у Мухаммада понятия о надплеменной "арабской" общности. Этносоциальная терминология Корана, особенно мекканского периода, не выходит за рамки племенного сознания, выраженного в древней бедуинской поэзии и естественного для родового общества: это прежде всего термины, обозначающие сородичей и соплеменников Мухаммада, жителей Мекки, составлявших его "қаум" (сородичей по мужской линии), племя курайш и их союзников.

Мухаммад выступил в то время, когда этноплеменная разобщенность по происхождению имела еще абсолютный смысл и составляла основу общественного сознания. Это было естественным порядком вещей и для самого Мухаммада, и он не искал путей к его изменению, к созданию межплеменной этнической общности.

Его целью было устранить разобщение людей по религиозному культу. В Коране осуждается не этноплеменная разобщенность, а многобожие. Также и во всей поэзии накануне ислама и во времена Мухаммада не высказывалось призыва к племенной консолидации или к созданию общности иного рода.²³⁾ Применительно к первой четв. УП в. можно говорить лишь о существовании смутной идеи единства обитателей Аравии как этнологической и культурной общности.²⁴⁾ Более отчетливо осознавалась общность языка в противоположность иноязычному миру (а'джам) и общность социально-культурная оседлого населения, противопоставившего себя кочевникам пустынь и степей Аравии, названных в Коране термином ал-а'раб. Внутри кочевого мира формировалось сознание этногенеалогической общности двух крупных племенных объединений (ма'адд и кахтан).

Единый культ Аллаха стал на первых порах ведущим фактором формирования нового общественного сознания, и первым действительно общим самоназванием большинства жителей Аравии стали религиозные по семантике термины му'мин (мн.ч. му'минун) и муслим (мн.ч. муслимун). Значения этих слов - "верущие" и "предавшие себя Богу", как и значение выражения лисан 'араби, сложились под влиянием однокоренных слов в языке аравийских иудеев.²⁵⁾

Этноним ал-'араб, как самоназвание, появляется в широком обиходе впервые, повидимому, среди мусульманских армий, вступивших на территории византийской Сирии и сасанидского Ирака в 30-40-х гг. УП в. Тогда впервые огромная разнородная масса племен, собравшихся из разных уголков Аравии, Палестины и Сирии и принадлежавших к разным генеалогическим группам, оказалась перед лицом общего врага, объединенная не только общностью языка, но и общим командованием, общей целью и общей верой. Ранние комментаторы Корана и генеалоги второй пол. УП-УШ вв. выработали понятие об "общearабской" генеалогической общности, соединив - с помощью фиктивных эпонимных имен - верхние ряды родословий в единое генеалогическое древо арабов и включив его в библейскую генеалогическую систему с Адамом во главе.

Как и слово 'араби в Коране, этноним ал-'араб был заимствован из словоупотребления в среде, так или иначе - по языку или

только по культуре – причастных к библейской иудеохристианской традиции; именно она сохраняла этот, возникший в древности, термин для обозначения обитателей Аравии, теперь воспринятый и ими самими.

Подтверждением сказанному может служить и этимология этнонима ал-‘араб, восходящая к историко-этнологической традиции первой пол. УШ в. и принятая средневековыми арабскими филологами. Согласно этой этимологии, этноним ал-‘араб происходит от слова ‘араба, которым будто бы прежде называли Аравию.²⁶⁾ В этом слове нетрудно увидеть библейское – еврейское *‘āgābāh* – имя нарицательное для обозначения безводной пустынной местности. Сущетвенно отметить, что словом ‘араба арабские филологи называли и всю территорию обитания аравийских племён, и отдельные ее районы, в частности, каменистые степи в Южной Палестине, (между Мертвым морем и Акабским заливом), пустыни в Сирии и в Месопотамии, а также в самой Аравии. В этом случае употреблялось слово ал-‘арабāt (мн.ч. от ‘араба), т.е. "аравии", "(страна) аравий". Понимание слова ‘араба как "пустыня, степь", а слова ал-‘арабāt как "страна пустынь, степей" подсказывается контекстом их употребления. Таким образом, арабская филологическая традиция УШ–ХІ вв. подтверждает происхождение слов ‘араб–‘арабī от общесемитского корня ‘rḅ через библейские формы *‘āgābāh* и *‘arab*.

Принятое средневековыми арабскими филологами и историками определение понятия "арабы" не включало собственно этнического признака и ограничивалось географическим и языковым. Йакут (ум. в 1229 г.), обобщая их точки зрения по этому вопросу, писал: "Из всего этого становится ясным и истинным, что все те, кто живет в Острове арабов и говорит на языке его обитателей, и есть арабы (ал-‘араб) – арабами их называли по названию их страны ал-‘Арабāt".²⁷⁾

Наконец, к первой пол. УШ в. относится распространение собственно арабского географического термина для обозначения всей территории Аравийского полуострова; он был образован с помощью этнонима ал-‘араб: ард ал-‘араб, билād ал-‘араб, а позднее – джазйрат ал-‘араб – "Земля арабов", "Страна арабов", "Остров арабов".

---

1) Происхождение этих слов, также как и их начальное значение и синонимичность остаются спорными. Терминологическую определенность слово *ариби* обнаруживает особенно в анналах Саргона

II (715 г. до н.э.) Синахериба и Ашшурбанипала (походы 652-42 гг. до н.э.), см. Ebeling, Araber, - Reallexikon der Assyriologie, I, Berlin-Leipzig, 1932, S.125a-126b.

2) Библиографию и историю вопроса см. J.Henninger, La Société bédouine ancienne, - L'Antica società beduina, racc. da F.Gabrieli, Roma, 1959, с.71 - и след.; см. также И.Ш.Шифман, Арабы у Гомера и Геродота, - ПС, 9(72), 1962, с.69-70.

3) Ср. K.Petráček, Gindibu'-Arbajja - ein Safa-Araber?, - Archiv Orientální, 27, 1959, с.44 и сл.

4) И.М.Дьяконов. Языки древней Передней Азии, М., 1967, с.39-41.

5) См. F.Altheim und R.Stiehl. Die Araber in der alten Welt, Bd.I, Berlin, 1964, S.165 f.; D.Müller, Arabia (P.-W.RE); B.Lewis, The Arabs in History, London, 1962, p.11-12.

6) Altheim-Stiehl, Die Araber, I, Ss.165 ff.; Lewis, The Arabs, 12.

7) S.Krauss, Talmudische Nachrichten über Arabien, ZDMG, Bd.70, 1916, S.321-324.

8) В.В.Бартольд, Соч., VI, М., 1966, с.235; Lewis, The Arabs, 12; Ph.Hitty, History of the Arabs, 7-th ed., London, 1961, p.44; D.H.Müller, Sarakeni (P.-W.RE); Altheim-Stiehl, Der Araber, II, 324 ff.

9) A.Börst, Der Turmbau von Babel, Stuttgart, 1957, II/3, S.932 f.

10) Krauss, Talmudische Nachrichten, S.324; G.E. von Grunebaum, The Nature of arab unity before Islam, Arabica, t.X, 1963, p.5-6; Altheim-Stiehl, Der Araber, II, 329.

11) M.Höfner, Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften, - L'Antica società beduina, S.60 f.

12) А.Г.Дундин, Южная Аравия в VI в. - ПС, М.-Л., 1961, с.107-108; A.F.L.Beeston, Kinship in Ancient South Arabia, - Jesho, XV, p.257.

13) A.Jamme, Sabaeen and Hasaeen Inscriptions from Saudi Arabia, Roma, 1966, p.40-41 (Ja 1028, 6-7).

14) См. A.Jamme, The Al-'Uqlah Texts (Documentation Süd-Arabe, III), Washington, 1963, p.50, 53. На эти тексты мне лично указал Г.М.Бауэр.

15) М 392, С, 36-38; указанием на этот текст я обязан А.Г.Дундину.

16) Jamme, *ibid.*, p.18 (Ja 1011, 1). Ср. имя римского императора: Филипп Араб (244-249 г.).

- 17) 'Умар Фаррух, ал-'Араб фи хадаратихим ва сакафатихим, Бейрут, 1968, с.31; Müller, Arabia, S.344-345; M.Watt, Muhammad at Medina, Oxford, 1962, p.143; ср. Grünebaum, The Nature, p.20.
- 18) Коран, XII, 2; XIII, 37; XVI, 105/103, XX, 112/113; XXVI, 195; XXXIX, 29/28; XLI, 2/3, 44; XLII, 5/7; XLIII, 2/3; XLVI, 11/12.
- 19) Коран, IX, 91/90, 98-102/97-101, 121/120; XXXIII, 20; XLVIII, 11, 16; XLIX, 14.
- 20) Watt. Muhammad at Medina, p.143.
- 21) P.Khale, The Qur'ān and the 'Arabīya, - "J.Goldziher Memorial volume". Pt.I, Budapest, 1948, p.174; R.Dvořák, Über die Fremdwörter im Koran, - Sitzungsber. d.phil.-hist. Cl., Bd.CIX, S.486.
- 22) Ch. Rabin, 'Arabiyya, EJ, NE, I, p.561.
- 23) H.Gibb, Arabic Literature, Sec.ed., Oxford, 1963, p.30-31.
- 24) Watt, ibid., p.143; Bell's Introduction to the Qur'ān, completely revised and enlarged by W.Montgomery Watt, Edinburgh, 1970, p.7.
- 25) J.Horowitz, Koranische Untersuchungen, Berlin-Leipzig, 1926, S.54-56.
- 26) Лисан ал-'араб, II, с.76 и след.
- 27) Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.Petersburg und Paris... hrsg. von F.Wüstenfeld, Bd.III, Leipzig, 1866, S.634 (=Лисан ал-'араб, II, с.77).

Т.М.Айтберов

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ В ДАГЕСТАНЕ В XVI-XVII вв.

В данном сообщении собраны сведения дагестанских источников (ранее неизвестных, за исключением одного) о положении рабов в Дагестане.¹⁾

I. В соглашении, заключенном между князем Чупанилавом и Эргенами,²⁾ говорится, что во втор. полов. XV в. двенадцать "домов", т.е. семей рабов ('абд), принадлежавших нұцалу,³⁾ поссорились со своим хозяином и перебежали к кутишинскому князю Чупану.⁴⁾ Последний поселил "эти дома в этом месте".⁵⁾ Вскоре после этого Чупан, вероятно, умер.

Его наследник Чупанилав, разгневавшись как-то на перебежчи-